

1948M
5685

9(47)

к. II.

~~681.~~

Е. ПРИЛЕЖАЕВ

К истории г. Алатыра

и его окрестностей.

ПРОВЕРЕН

(47.23) Кор.

К-150Н
153

1958

КЪ ИСТОРИИ ГОРОДА ОЛОНЦА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.

Въ архивѣ Св. Синода, въ отдѣлѣ рукописей, хранится нѣсколько переплетенныхъ рукописныхъ сборниковъ, принадлежавшихъ высокопреосвященному Игнатію, бывшему архіепископу Олонецкому. Пересматривая недавно разнородныя статьи, заключающіяся въ означенныхъ сборникахъ, я встрѣтилъ между ними двѣ записки, касающіяся города Олонца и его уѣзда, и съ понятнымъ любопытствомъ обратилъ на эти записки особенное вниманіе.

Оказалось, что онѣ были присланы къ архіепископу Игнатію въ іюнь 1836 года, а составителемъ ихъ былъ мѣщанинъ города Олонца Иванъ Кондратьевъ. Посылая свой трудъ при особомъ исъмѣ на имя высокопреосвященнаго, Кондратьевъ просилъ архіепископа снисходительно отнестись къ недостаткамъ его записокъ, такъ какъ онъ, „кромѣ азбуки, научился грамотѣ самоучкой“,—благосклонно принять посылаемое и „тѣмъ поощрить его на дальнѣйшее время къ подобнымъ же наблюденіямъ и изясненіямъ“.

„О времени населенія и основанія Олонца дошли до насъ.—писалъ любознательный Кондратьевъ его высокопреосвященству,—нѣкоторыя только письменныя записки, и какъ о семъ, такъ и о бывшихъ военныхъ происшествіяхъ и прочихъ достойныхъ замѣчанія событіяхъ, дошли до насъ изустныя только преданія, впрочемъ основанныя большею частію на неопровержимыхъ доказательствахъ. Что означаютъ названія: „Олоонецъ“, „Корела“, „Анусъ“, „Ливвинъ“, не точію русскимъ, но и корелякамъ поднесъ неизвѣстно. Испытуя и любомудрствуя о семъ, при способѣ знанія корельскаго и частію финскаго языковъ, напелъ я начала и причины какъ означенныхъ, такъ и прочихъ корельскихъ названій значительныхъ и примѣчательныхъ мѣстъ окрестностей Олонца, обратя притомъ особое вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ имѣ-

(1950Н)
153

1948M
5685

1978 г.

— 2 —

ются св. Божіи храмы. И дабы оны не могли далѣе оставаться въ безгласности, составилъ я записки“.

Само собою понятно, что по вопросу о первоначальной колонизации Олонцакаго уѣзда Кондратьевъ не могъ имѣть вѣрнаго представленія и точныхъ свѣдѣній, что и обнаруживается въ его запискѣ; но сдѣланная имъ попытка филологически объяснить корельскія наименованія разныхъ Олонцакихъ селеній, озеръ и рѣкъ заслуживаетъ вниманія. Эта именно попытка и придаетъ его рукописи тотъ интересъ, ради котораго главнымъ образомъ стѣдуетъ цѣликомъ удѣлить ей мѣсто въ печатномъ органѣ Олонцакаго края. Хорошо-бы при этомъ было сдѣлать критическую опѣнку филологическихъ розысканій Кондратьева, поправить и дополнить ихъ, но я, къ сожалѣнію, не владѣю необходимымъ для того знаніемъ корельскаго языка.

Кромѣ филологическихъ объясненій, записки Кондратьева содержатъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ историческихъ преданій. Напримѣръ, любопытно преданіе о тѣхъ жилищахъ, какія въ давнюю старину строили для себя пограничные со шведами олончане; или преданіе о томъ, какъ въ 1617 году русскіе и шведы проводили пограничную черту между своими владѣніями. Впервые также записано здѣсь преданіе о встрѣчѣ Петра Великаго жителями г. Олонца, во время одного изъ путешествій Его Величества къ Марціальнымъ водамъ.

Печатаая за симъ рукопись Кондратьева, не могу не выразить желанія, чтобы всѣ старожилы Олонцакой губерніи записывали и сообщали въ „Олонцакіи Губернскія Вѣдомости“ извѣстныя имъ преданія, рассказы и воспоминанія о прошломъ роднаго края.

Евгеній Прилежасевъ.

С.-Птеербургъ,
14 ноября 1891 года.

1950H

153

— 3 —

I. Записка о населеніи и основаніи Олонца и изясненіе происхожденія разныхъ корельскихъ словъ и примѣчательнымъ мѣстамъ названій.

1. *О времени основанія Олонца.* Олоонецъ есть какъ бы древній главный городъ Корелии. На сіе даютъ ему право: первоначальное поселеніе, удобнѣйшія для земледѣлія, мѣста и зватное число жителей, поселившихся на одной равнинѣ по рѣкамъ (нынѣ до 7-ми тысячъ мужеска пола); и въ особенности: въ древнія времена было мѣсто пребыванія въ немъ Олонцакихъ воеводъ. Онъ основанъ и сталъ быть извѣстнымъ, какъ изъ письменныхъ записокъ видно, въ половинѣ XIII вѣка ¹⁾; но жители, по удобности мѣстоположенія, поселились здѣсь гораздо прежде и едва ли не со времени основанія Новгорода.

2. *О шведскихъ набѣгахъ и разореніяхъ.* Сей городъ, со времени населенія и основанія, многократно истребляемъ былъ пожарами и, совокупно съ окрестностями своими, претерпѣвалъ отъ Шведовъ и Финновъ многія разоренія. По сей-то причинѣ, народонаселеніе въ этомъ краѣ, не смотря на выгодность мѣстоположенія въ отношеніи земледѣлія, рыбныхъ и другихъ промысловъ, особенно близъ старой Шведской границы,—малочисленно, и, какъ по преданіямъ можно замѣтить, начало умножаться со временъ Петра Великаго, т. е. когда граница удалена была на дальнѣйшее отъ Олонца разстояніе. Набѣги сіи были обоюдны, какъ русскихъ съ олончанами въ Шведскія, такъ и шведовъ съ финнами въ Россійскія владѣнія. О сей пограничной войнѣ имѣемъ слѣдующія доказательства:

а) Изъ анекдотовъ Петра Великаго видно, что Олонцакій священникъ Окуловъ, съ собранною имъ дружиною, ѣздилъ разорять

1) Кондратьеву не извѣстна была напечатанная еще въ 1815 году, въ I-мъ выпускѣ „Русскихъ Достопамятностей“, уставная грамота Новгородскаго князя Николы-Святослава Олеговича. Грамота относится къ первой половинѣ XII вѣка, именно къ 1137 году, и упоминаетъ объ Олонцѣ, какъ о населенной мѣстности Обонежскаго ряда, обязанной платить опредѣленную дань князю и владыкѣ.

шведскую землю и разорилъ десять мѣстечекъ, городовъ и таможенъ ¹⁾.

б) Шведы, при набѣгахъ своихъ, во время обѣда и ужина, не мучили истязаніями и не брали въ плѣнъ, и потому сохранилась донныѣ корельская пословица: „сендю айлу—равгу айлу; и родчи нядю эй лейккая“; то есть: „обѣднее время есть мирное; и шведъ головы не рубить“.

в) Множество кургановъ въ Видлицкомъ погостѣ, близъ старой Шведской границы, и въ самомъ Олонцѣ.

г) Во времена Петра Великаго, по умноженіи жителей, или, по крайней мѣрѣ, по уменьшеніи набѣговъ, въ началѣ XVIII вѣка, въ приходахъ Видлицкомъ и Горскомъ построены, усердіемъ прихожанъ, церкви ²⁾.

д) Въ Видлицкомъ погостѣ, по рѣкѣ Тюккулѣ, отъ деревни того же имени въ 6 верстахъ, есть мѣсто, называемое „алойнъ ковадъ“, что значитъ: „избушки постоянного жительства“. Здѣсь жители Видлицы, во время междуцарствія и нашествія на Россію литвы, укрывались въ лѣсахъ отъ шведскихъ набѣговъ постоянно семь лѣтъ.

е) Въ семъ же погостѣ есть называемыя нынѣ жителями разныя три мѣста, гдѣ имѣли жительство первые поселяне, именно:

1) Кондратьевъ ссылается на „анекдоты“, но существуетъ современное печатное сообщеніе о подвигѣ о. Ив. Окулова. Оно было помѣщено въ первомъ номерѣ первой русской газеты „Вѣдомости Московскія“, вышедшемъ въ свѣтъ 2 января 1703 года. Вотъ подлинный текстъ этого сообщенія: „Изъ Олонца пишутъ: города Олонца поплъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ плѣшихъ съ тысячу человекъ, ходилъ за рубежъ, въ Свѣйскую границу, и разбилъ свѣйскіе Ругозенскую, и Гишонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы. А на тѣхъ заставахъ Шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и шлагъ, фузей и лошадей довольно; а что взялъ запасовъ и пожитковъ оныхъ, поплъ, и тѣмъ удовольствовалъ солдатъ своихъ; а достальныя пожитки и хлѣбныя запасы, конехъ не могъ забрать, все пожегъ. И Соловскую мызу сжегъ, и около Соловской многіе мызы и деревни, дворовъ съ тысячу, пожегъ же. А на вышеписанныхъ заставахъ по скаскѣ языковъ, которыхъ взялъ, конницы Швецовъ убито 50 человекъ, плѣхоты 400 человекъ; ушло ихъ конницы 50, плѣхоты 100 человекъ. А изъ попова войска только ранено солдатъ два человека“. (Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся

1) Раакачиуль, отъ слова „раанъ“—работаю; 2) Майси, отъ слова „маа“,—земля сія, мѣсто; и 3) Тюккуля, отъ слова „неото кюля“ или „тоо кюля“—указать на деревню и выговорить: „эта-ль деревня?“ Они въ домахъ своихъ (какъ нынѣ разсказываютъ) имѣли обшитыя желѣзомъ двери; окна—такой величины, что только голову можно просунуть, и тѣ—на дворъ, обнесенный валомъ и заборомъ, откуда можно было удобно, при малыхъ набѣгахъ, защищаться.

же) Въ устьѣ рѣки Олонки, близъ Ладожскаго озера, показываемое нынѣ жителями мѣсто, гдѣ Шведы, по прибытіи своемъ, для разоренія Олонца, на большомъ суднѣ, называемомъ „лайва“, замѣтили бывшую тогда въ Ильинскомъ погостѣ при деревнѣ Горки еловую рощу, которая, при восходѣ солнца, показалася имъ величайшимъ войскомъ. Въ испугѣ, дабы избѣжать встрѣчи, они потащили лайву свою обратно въ озеро. Но—какъ она была весьма велика, поворотить въ рѣкѣ не могли; тащили кормомъ, что было весьма трудно; и потому, дабы скорѣе убраться, вырыли часть земли въ берегѣ рѣки, поворотили лайву и ушли въ Ладожское озеро ¹⁾.

въ Москвѣ въ 1703 году. Новое изданіе Императорской Публичной Библиотеки. Спб. 1855, стр. 2).

Е. П.

2) Это неправда. О существованіи церкви въ Видлицкомъ приходѣ сохранились извѣстія еще отъ конца XVI столѣтія, именно: въ грамотѣ 1580 года („Акты Историч., I, № 208) и въ писцовой книгѣ 1582—83 г. („Записки Имп. Русск. Географич. Общества. кн. VIII, прилож. VI, стр. 155). А о церкви въ Горскомъ приходѣ, построенной вновь, упоминается въ писцовой книгѣ 1628—1629 г. (Олон. Губ. Вѣд. 1849, № 3).

Е. П.

1) Преданіе объ этомъ было уже однажды напечатано въ статейкѣ г. Потанина: „Поѣздка въ Олонецъ“, помѣщенной въ „Русскомъ Словѣ“ за 1861 годъ (іюль, стр. 8—9). „Знакомъ мѣстной старины“, прикащикъ купца Лулакова, Матвѣй Евдокимовичъ Аникіевъ сообщилъ Потанину, что «четыре версты ниже деревни Унойлы или Теттеле, есть мѣсто, называющееся „лайванъ кяняльмюсъ“, т. е. поворотъ судна; а „самый старій человекъ на Ильинскомъ погостѣ“, крестьянинъ Полушкинъ разсказалъ ему, что „это была война со Шведами, что шведское судно вошло въ Олонку, но будто Шведы приняли лѣсъ за войско, пошли назадъ и, на поворотѣ, концомъ судна своротили берегъ; и теперь будто видѣнъ въ этомъ мѣстѣ осмѣявшійся берегъ.“

Е. П.

и з) Для защиты отъ нашествия Шведовъ, въ городѣ Олонцѣ была устроена деревянная крѣпость, съ башнями, и оконана съ восточной стороны ровомъ. Прочія стороны крѣпости прилежали къ берегамъ рѣкъ Олонки и Мегреги, и оттого подобныхъ рововъ было не нужно. Крѣпость сія обрушилась въ концѣ оснадцатаго вѣка. Ровъ и поднесъ еще существуетъ ¹⁾.

3. *Настоящее мѣстожителство корель.* Корелы, какъ извѣстно, живутъ въ Олонцѣ, Петрозаводскѣ, Повѣнцѣ, Кеми и въ уѣздахъ ихъ, частію—въ Сердобольскомъ уѣздѣ (что въ Финляндіи). Впрочемъ, въ сихъ мѣстахъ впоследствии времени поселились или пріурочены многіе жители русскаго нарѣчія. Пространство мѣстожителства корель положить можно въ длину отъ Олонца до Кеми на 700, а въ ширину—отъ 100 до 200 верстъ. Жителей обоого пола около 100 тысячъ душъ.

4. *Древнее мѣстожителство ихъ было обширнѣе.* Должно полагать, что въ древности мѣстожителство корель было гораздо обширнѣе, чему могутъ служить доказательствомъ слѣдующія обстоятельства:

а) Названіе посада *Сермаксы*, состоящаго Лодейнопольскаго уѣзда на границѣ С.-Петербургской и Олонецкой губерній, гдѣ нынѣ живутъ русскіе. Оно имѣетъ часть корельскаго слова *макса*, что означаетъ: „заплати“ (долгъ, подати, аренду, или что другое); если разсуждать такъ, что на семь мѣстѣ жили корляки, платили новгородскимъ славянамъ подати или аренду, которые, требуя оной, получали отвѣтъ: „максанъ“,—заплати. Они, выуча это, стали требовать „макса“. Но когда вошло въ народное обращеніе серебро, тогда требовали, говоря: „серебро макса“; и потомъ, для легкаго произношенія, стали требовать: „серъ макса“. Отъ сего и мѣсто прозвано этимъ именемъ.

б) Въ житіи преподобнаго Александра Свирскаго Чудотворца, видно, что онъ произошелъ изъ поселянъ рѣки Ояти, деревни называемой *Мандерой*. „Мандеръ“ есть корельское слово, и означаетъ въ отношеніи моря (такъ корляки называютъ Ладожское

1) Крѣпость, сооруженная въ Олонцѣ въ 1649 году, была подробно описана мною въ „Исторической запискѣ объ Олонцѣ“, напечатанной въ Олон. Губ. Вѣд. за 1887 г., №№ 67—69.

озеро) твердую землю, и взято отъ слова „маа“ (должно выговорить протяжно),—земля. Названіе „мандеръ“ употребляется только промышляющими на Ладожскомъ озерѣ, въ слѣдующемъ случаѣ. Когда они находятся въ отдаленномъ разстояніи отъ берега, говорятъ: „мандеръ въ э наловъ“,—земля еще не видна“. Или когда, за противнымъ вѣтромъ, идутъ съ моря на веслахъ греблю, говорятъ: „соваммо, соваммо, одва мандерегъ сайммо“, то есть: „гребли, гребли, едва на твердую землю попали“. Обстоятельство сіе даетъ замѣтить, что деревня Мандеръ была у моря—первая, и потому слѣдуетъ заключить, что Сермаксы тогда еще не было. Самое же мѣстоположеніе Сермаксы и окрестностей ея, какъ весьма низменное, невольно заставляетъ думать, что оно въ недавнія времена могло обсохнуть и образоваться по причинѣ углубленія или расширенія устьевъ рѣкъ Невы и Свири, и пространнѣйшаго оттого стоку водъ.

в) Названіе рѣки *Ояти* (при которой лежитъ Мандеръ и Сермакса) есть корельское и взято отъ слова „оя“—ручей, или „оядь“—ручьи.

г) Близъ погоста Горки, на рѣкѣ Свири, есть деревня, называемая по-русски Ковкиница, а по-корельски—„Ковкиничу“, что взято отъ слова „ковкой“—возвышенное, происходящее отъ слова „корей“—высокое.

Если же въ сихъ мѣстахъ нѣтъ теперь жителей корельскаго нарѣчія, то причиною полагать должно, что, во избѣжаніе бывшихъ шведскихъ набѣговъ, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ, съ распоряженія начальства или помѣщиковъ, они переселены въ Тверскую и Новгородскую губерніи; или еще и то, что корельскій языкъ, съ славянскимъ соединясь, потерялъ свою самобытность.

5. „*Корляками*“ называютъ русскіе, а они собственно называются „ливилляйне“. Олончанъ называютъ „корелами“ и языкъ ихъ—„корельскимъ“ только русскіе. Но сами они именуютъ себя „ливилляйне“ (корлякъ). Что же значатъ названія сіи и отчего оныя могли родиться, полагать должно слѣдующее:

а) Корелы, разговаривая между собою о знаніи русскаго языка, говорятъ: „коронъ вяляженъ“, то есть: „немного толмачу“. Въ древности русскіе, пріѣзжая къ нимъ, спрашивали: „кто изъ васъ

умѣть говорить по-русски?" На что получали отвѣтъ: „кборнъ вягажень.“ Русскіе, выуча сіе, стали называть толмача сего „*норонъ*“; и оттого впоследствии прозвали: „*корела*“.

б) „*Ливвинъ кезли*“^а, т. е. „корельскій языкъ“, или народъ. Извѣстно, что по сходству языка коряки одноплеменны съ финнами. Финны разговариваютъ протяжно; корелы же, въ отношеніи ихъ,—быстро, или велерѣчиво. Таковой разговоръ финны и коряки называютъ: „*либей кезли*“; сіе должно перевести: „велерѣчивый“, или „быстроглаголющій“. И отъ сего слова „*либей*“ прозываются коряки между собою „*Ливилляжетъ*“. Обстоятельство сіе подтверждается еще слѣдующимъ. Если коряки, находясь гдѣ-либо на Руси, встрѣчая одинъ другаго, вопрошаютъ: „малтадго *ливвиксъ*“, то есть: „умѣешь-ли по-корельски?“ Итакъ, коряковъ или олончанъ называютъ сими словами только русскіе. Собственно же названіе ихъ есть: „*ливвинъ кезли*“, корельскій народъ, или языкъ“.

6. *Олоонецъ по-корельски называется „Анусъ“.* Городъ Олоонецъ, совокупно со всѣми селеніями по рѣкамъ Олонкѣ, Мегрегѣ, Низовой и другимъ, называется по-корельски „*Анусъ*“, что взято отъ слова „*авнусъ*“ и значитъ, въ русскомъ переводѣ,—мѣсто множества скирдъ и стоговъ. Названіе сіе, вѣроятно, произошло оттого, что въ древнія времена жители Олонца занимались только воздѣлываніемъ земли, которая вознаграждала трудъ ихъ, и потому ставили множество скирдъ и стоговъ. Къ тому же еще стога сіи, по равнинѣ мѣстоположенія Олонца, видны повсемѣстно во множествѣ. И сіи-то обстоятельства были поводомъ назвать его „*Авнусъ*“. Для легкости выговора, говорится съ опущеніемъ литеры *в*: „*Анусъ*“.

7. *О происхожденіи Олончанъ и о первыхъ поселенцахъ онаго* По сходству языка, какъ выше сказано, извѣстно, что олончане одноплеменны съ финнами. Поселялись по рѣкамъ, занимаемымъ ими нынѣ, по удобности мѣстоположенія, для хлѣбопашества. Впоследствии времени вошли во владѣніе Новагорода. Первые поселенцы были въ Верховскомъ приходѣ, что отъ города Олонца въ Петрозаводску въ 4-хъ верстахъ, въ деревнѣ *Вангималъ*, что взято отъ слова „*вангемъ*“ и значитъ „старшій“. Вторые послѣ сего были по Низовой рѣкѣ Ильинскаго прихода, въ деревнѣ *Юксему*, что взято отъ слова „*юкси*“ и значитъ „бѣжалъ“. Изустныя преданія о семъ суть слѣдующія. Въ глубокую древность

житель Юкселы замѣтилъ, что по теченію рѣки приплыли къ нему на берегъ новыя щепы. Увидя ихъ, онъ догадался, что есть у него вблизи сосѣдь, и, въ радости, побѣжалъ искать его. Добѣжавъ или дошедъ до деревни, гдѣ нынѣ есть Вангималъ (расстояніе 22 версты), нашель сосѣда своего и, въ радости, нарекъ его „*вангемъ*“, т. е.—старшій. Причиною сего названія было то, что послѣдній уже имѣлъ обзаведеніе на жительство. Во изъявленіе взаимной своей радости, онъ нарекъ того „*юкси*“,—бѣгущій, потому что, прибѣжавъ къ нему, Юксельскій сказалъ: „ну, юксинъ—юксинъ (бѣжалъ—бѣжалъ) и нашель тебя; но ты будь старшій“; другой: „а ты будь бѣжавшій“, т. е. „*юхксій*“ и „*вангемъ*“. Посему и нынѣ деревни называются сими именами¹⁾.

8. *Олоонецъ.* Впоследствии, когда стали пріѣзжать къ нимъ изъ Россіи новгородцы, за данью или какими-либо другими надобностями, не разумѣвши разговора олончанъ, люди чиновные и грамотные, славившіеся могуществомъ и величіемъ Великаго Новгорода, то называли ихъ въ насмѣшку: „*оло—ло, оло—ло*“, потому что этими звуками отзывалось слуху русскаго нарѣчіе корельскаго языка. Отъ сего прозвали ихъ: „*олончане*“, и рѣка, гдѣ жили первые поселенцы, названа „*Олонкою*“, а впоследствии—городъ и весь округъ. Обстоятельство сіе подтверждается еще слѣдующимъ. Какъ, при первоначальномъ поселеніи, олончана не были еще просвѣщены св. крещеніемъ, то русскіе, не понимая языка ихъ, издѣваясь, называли: „*оло—ло, оло—ло*“, и присовокупляли:

1) Въ вышеупомянутой статьѣ г. Потанина это преданіе записано со словъ Анкіева слѣдующимъ образомъ: „Первыми деревнями на р. Олонкѣ считаются двѣ: Юксила (ниже Ильинскаго погоста) и Вангимала (4 версты выше города Олонца). Первый колонистъ пришелъ на Олонку и выстроилъ себѣ избу на мѣстѣ нынѣшней дер. Юксины; черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ плывущую по рѣкѣ щепку; заключивъ, что вверху, вѣроятно, кто нибудь живетъ, онъ дошелъ вверхъ и въ 20 верстахъ выше нашель другаго колониста, гдѣ нынѣ дер. Вангимала. „Будь же ты, мой старшій братъ!“ сказалъ онъ ему. Отсюда и происходитъ названіе деревни Вангимала (*вангембы* вѣдлн значитъ „старшій братъ“ по-корельски). Названіе же деревни Юксила Анкіевъ производитъ отъ слова *юкси*—поспѣшилъ, ускорилъ прийти, потому что Юксильскій колонистъ поспѣшилъ на-встрѣчу другому. Это преданіе пользуется огромной популярностью между мѣстными жителями и, вѣроятно, имѣетъ какой нибудь историческій смыслъ“. (Русское Слово, 1861, июль, смѣсь, стр. 8).

„о, проклятые олончана, кто их пойметъ, что они лепечутъ!“ Отголоски сии и въ нынѣшнее время случается олончанамъ слышать наруги (sic) отъ русскихъ, чѣмъ тоже подтверждается истина происхожденія названія сего ¹⁾).

9. *Низовая Ладожскаго озера рѣка*. Отъ Олонца до Ладожскаго озера рѣка называется по-корельски „Алавойнтъ“, что взято отъ слова „алаланъ“ — внизу и „войнтъ“ — могу, здравствую.

10. *Верховье*. Рѣка Олонка иначе называется по-русски „Верховье“, по-корельски „Гюльмойнтъ“, отъ словъ: „гюльмъ“ — вверхъ, и „войнтъ“ — могу, или здравствую ²⁾).

11. *Мегрега*. Рѣка Мегрега названіе свое имѣетъ отъ Мегро-озера, откуда она начало свое получила. Сіе озеро называется такъ потому, что въ окружности онаго много барсуковъ, которые по-корельски называются „мярю“.

12. *Инема*. Рѣчка Инема, впадающая въ Мегрегу, имѣетъ названіе свое отъ множества чрезвычайно большихъ изгибовъ, которые по-корельски называются „неми“; а указывая, говорятъ: „э, неми“. Здѣсь должно разумѣть подъ именемъ „неми“ не изгибъ рѣки, а грунтъ земли, образующійся мысомъ; изгибъ же рѣки называется по-корельски „вонгу“, т. е. ободь.

13. *Куккасъ*. Рѣчка Куккасъ, впадающая въ Инему и имѣющая начало свое отъ озеръ Александро-Свирскаго монастыря, названіе свое получила отъ того, что по ней имѣются хорошія сѣнокосныя луга и растутъ травы съ разными цвѣтами, которыя именуется по-корельски „куккайнъ“ — игрушечка.

14. *Седокса*. Двѣ рѣчки Сѣдоксы, впадающія въ Низовую, на-

1) Приведемъ здѣсь, кстати, и другое объясненіе названія Олонца, чрезвычайно курьезное. Вышеназванный „знатокъ мѣстной старины“ Аникіевъ сообщил Потанину объ Олонцѣ, что „тамъ, гдѣ теперь замѣтны признаки бывшаго вала и заросшаго рва, былъ дѣйствительно горолокъ, въ которомъ жила княгиня или княжна Ольга, по имени которой и Олонецъ названъ“. (Русское Слово, 1861, июль, смѣсь, стр. 12—13).

Е. П.

2) Названія сии: „нижніе и верхніе жители“ называются въ отношеніи среднихъ, а средній есть г. Олонецъ.

Примѣчаніе Кондратьева.

зываются отъ корельскаго слова „сякси“ — комаръ. Причина сего была: когда олончана начали по онымъ обработывать топкія болота на хлѣбопашество, то, по сырости мѣста, во множествѣ водились тамъ комары. Въ подтвержденіе сего служитъ доказательствомъ существующая нынѣ пословица. Когда олончана ѣдутъ работать на Седоксу, то говорятъ: „Сексель, сяксий сіодтямя“, то есть: „на Седоксу, комаровъ кормить“.

15. *Ведлозеро*. Ведлозеро именуется по корельски „Везль-ярви“, — множества водъ, озеро. Отъ сего произошла рѣка „Видель“. — Видлица.

16. *Тулумозеро*. Тулумозеро называется по-корельски „Тулумъ-ярви“; взято отъ слова „тули“ — пришелъ, или „тулмусъ“ — пришелый; вѣроятно — отъ пришлаго откуда-либо первопоселенца проименовано. Но тамошніе жители говорятъ, якобы само озеро есть пришедшее отъ другаго мѣста; но, кажется, несправедливо.

17. *Обжи*. Рѣчка Обжи называется симъ именемъ потому, что встарину пожаловано было нѣкому боярину нѣсколько „обжей“ (старинная мѣра) земли; что доказывается самымъ именемъ и еще тѣмъ, что понынѣ именуется одна изъ Обжанскихъ деревень — „Боярщинскою“. По-корельски Обжи называются искаженнымъ русскимъ словомъ *Пижи*.

18. *Коткозеро*. Коткозеро значитъ „орель-озеро“. Отчего произошло названіе сіе, рассказываютъ: нѣкто встарину, тамошній житель, застрѣлил орла, сварилъ, ѣсть не могъ, бросилъ; сосѣди его, узнавъ о семъ, стали называть его въ издѣвку: „кодку“; потомъ окрестные жители, равно узнавъ о семъ, стали называть всю деревню: „Коткадь“ — орлы; далѣе и всѣ жители вокругъ озера того, и самое озеро названіе сіе получили.

19. *Торосозеро*. Торосозеро есть первая станція отъ Олонца къ Петрозаводску; называется по-корельски „Торазъ-ярви“, что значитъ: „драки озеро“. Вѣроятно, встарину было тутъ со Шведами сраженіе, что тоже значитъ по-корельски „тора“.

20. *Габаново*. Габановская упраздненная пустыня по-корельски называется „Гаабунезми“. „Гаабу“ есть дерево осина; „незми“ — мышь, или наволокъ. Проименовано, вѣроятно, по причинѣ произрастанія во множествѣ на мысу осиновыхъ деревъ.

21. *Сяндямская пустыня.* „Сяндямъ“ есть слово корельскаго языка, жителей Повѣнецкаго уѣзда, и означаетъ: „строимъ, дѣлаемъ, или работаемъ“. Отъ чего же произошло названіе сіе, достоверно опредѣлить невозможно; но полагать должно, что былъ на томъ мѣстѣ первый поселенецъ—житель Повѣнецкаго уѣзда, и на спросъ Олонецкихъ кореляковъ: что дѣлаешь? отвѣчалъ: „сяндямъ“, т. е. „строю“ (вѣроятно домъ). И какъ олончанами слово сіе не употребляется, то и показалось смѣшнымъ, и потому прозвали его и жилище его симъ именемъ.

22. *Рѣка Тулокса.* Рѣка Тулокса по-корельски называется „Тулосъ“, что взято отъ озера „Туласъ“, откуда она имѣетъ свое начало. „Туласъ“ значитъ—лучить ночью съ огнемъ рыбу. Сіе озеро прозвано такъ по удобности для сего промысла.

23. *Самбатукса.* Самбатукса, и погостъ того же имени, называется по-корельски „Самматусъ“, что происходитъ отъ корельскаго слова „саммута“,—затуши. Причиною сего происхожденія полагать должно слѣдующее. Мѣстоположенія Самбатуксы встарину удобны были для обработки лѣсныхъ распахекъ, которыя по обжогѣ называются „пало“, т. е. горѣлое; а когда жгутъ и затушатъ, называютъ „саммутусъ“—затуженное.

24. *Тукса.* Рѣка Тукса, впадающая съ правой стороны въ Нивозую, названіе сіе имѣетъ на протяженіи только 7 верстъ; въ нее въ одномъ почти мѣстѣ соединяются и впадаютъ слѣдующія рѣчки: а) *Тенунъ*, отъ озера сего же имени истекающая; что же значитъ сіе названіе, еще не дозано; б) *Кала-ярвенъ*, отъ озера сего же имени,—рыбье озеро; в) *Толм-ярви*—верхнее озеро, и г) *Саргу-оя*,—„саргу“ означаетъ малую полосу сѣннаго покоса, „оя“—ручей. Таковое соединеніе говорится по-корельски „нелли юге туккусъ“, т. е. „четыре рѣчки въ кучу сошлись“. Отъ слова сего, для легкаго произношенія, названа рѣка „Тукса“.

25. *Кондуша.* Кондуша называется по-корельски „Стройчанъ-конду“, что означаетъ Троицынъ (по близкому расположенію Александро-Свирскаго монастыря), въ различіе отъ Пограничной Кондуши. „Конду“ есть собственное названіе одного участка земли, обрабатываемаго однимъ хозяиномъ; и подъ симъ же слѣдуетъ разумѣть, что самое жилище владѣльца есть въ нѣкоторомъ разстояніи.

26. *Пограничная Кондуша.* Деревня Пограничная Кондуша называется по-корельски „Рая конду“. „Рая“ означаетъ черту, границу. Близъ сей деревни, на берегу Ладожскаго озера и между оною деревнею и другою таковою же, лежащею на Шведской сторонѣ, называемой Грозной, есть два камня, называемые по-корельски „рая-киветъ“, т. е. „камни начала границы“¹⁾. На нихъ имѣются изображенія высѣченныя: съ Россійской стороны крестъ осмиконечный, а со Шведской—подкова лошадиная, и на послѣдней нѣсколько истершихся шведскихъ литеръ, съ означеніемъ

1) Одинъ изъ камней, о которыхъ упоминаетъ Кондратьевъ, это—такъ называемый „Варашевъ камень“, который находится на Ладожскомъ озерѣ, близъ Пограничныхъ Кондушъ, около самой окраины берега, въ 10 саженьяхъ отъ гранитнаго мыска, и представляетъ изъ себя большой краснаго цвѣта валунъ гранита, отдѣльно лежащій въ водѣ и возвышающійся на 2 аршина надъ уровнемъ озера. Этотъ камень, дѣйствительно, служилъ начальнымъ межевымъ знакомъ той пограничной линіи, которая была проведена между Россією и Швецією послѣ Столбовскаго договора 1617 года. Въ современной межевой записи, составленной въ октябрѣ 1618 года, онъ названъ „Варачевъ камень, Варачинъ тожь“, причѣмъ отмѣчено, что на немъ сдѣлана и „грань,—крестъ въ кругу, да короны и годовое число“. Послѣдняя по времени и лучшая археологическая замѣтка о Варашевомъ камнѣ была напечатана въ 10-мъ томѣ „Древностей“, издав. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ (Москва, 1885, стр. 102—104), и во 2-мъ выпускѣ „Олонецкаго Сборника“ (Петрозаводскъ, 1886). Въ этой замѣткѣ есть также рѣчь и о второмъ камнѣ, упоминаемомъ въ запискѣ Кондратьева; именно, сообщается, что этотъ камень находится у полотно дороги Сердобольскаго почтового тракта, между деревнею Пограничная Кондуша, Олонецкаго уѣзда, и домомъ Вирдильской таможенной заставы въ Финляндіи; что онъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть продолженіе пограничной черты, опредѣленной межевыми знаками по Столбовскому договору, и что въ высѣчкѣ на этомъ камнѣ находятся шведскія короны и буквы не русскаго алфавита. Кондратьевъ, разумѣется, сдѣлалъ ошибку, принявъ шведскія короны за лошадиныя подковы. Въ упомянутой межевой записи 1618 года ясно объ этомъ сказано: „Межи и грани у насъ (межевальныхъ дословъ) съ обѣихъ сторонъ праведно сысканы, смогрѣны и разлучены, и кладены по старожильцевымъ сказкамъ вправду, какъ изстари бывало; а грани на тѣхъ мѣстахъ нынѣ кладены: Россійскаго Государства съ стороны дѣланы кресты а съ Свѣдскаго государства стороны дѣланы короны; а въ оныхъ мѣстахъ копавы во обѣ ямы и насыпаны угольемъ“ (1-е Полное Собраніе Зак. Рос. Имц., т. I, № 19, стр. 203).

1617 года. Отъ сихъ камней проведена была граница слѣдующимъ образомъ: русскіе и шведы, имѣя при себѣ часы, шли по предполагаемому для границы мѣстамъ поочередно и по два часа времени; посему каждая сторона, выгадывая себѣ въ свою очередь лучшія мѣста, часто проходила поперекъ деревни, разрѣзывая оныя на обѣ стороны, какъ онѣ и теперь еще существуютъ.

27. *Заднія волости.* Олончана называютъ все мѣста и всея вообще жителей, живущихъ въ сѣверу, въ заднихъ волостяхъ, — „тага-войнтъ“, — задніе жители, или здравствующие.

28. *Лопи.* Повѣнецкій уѣздъ вообще, съ жителями онаго, называется по-корельски „Лопи“, отъ слова „лоптъ эс“, въ сторонѣ (живу). Названіе сіе, полагать должно, дано олончанами по причинѣ поселившихся тамъ, въ сторонѣ и отдаленіи, коряковъ.

II.

Записка любопытныхъ происшествій, случившихся при Высочайшихъ проѣздахъ черезъ Олонецъ.

1. Въ проѣздъ Императора Петра Великаго въ Петрозаводскъ къ Марціальнымъ водамъ, должно было ѣхать Его Величеству рѣкою Мегрегою и, въѣхавъ въ городъ, подняться въ довольно крутую гору, называемую по-корельски „притиканъ мяи“ (что взято отъ слова притина, а второе значить—гора). Здѣсь, на рѣкѣ, встрѣтили Его Величество обыватели Олонца и, увидѣвъ Монарха, въ восторгѣ своемъ, выпрягли лошадей и, на раменахъ своихъ, съ радостнымъ крикомъ „ура“, повезли Его Величество до воеводской канцеляріи (разстояніе около 200 саж.). Здѣсь-то Государь встрѣтилъ упоминаемаго въ анекдотахъ воеводу виноватаго, и какъ встрѣчею, такъ и виною воеводы остался совершенно доволенъ ¹⁾.

1) Рассказъ о посѣщеніи Петромъ Великимъ Олонецкой воеводской канцеляріи былъ впервые напечатанъ въ числѣ „Анекдотовъ, касающихся до Государя Императора Петра Великаго“, собранныхъ Голиковымъ и помѣщенныхъ имъ въ XVII томѣ „Дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго“ (Москва, 1795), причемъ, въ послѣсловіи къ разсказу, Голиковъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „записано отъ Олонецкаго купца Барсукова, любимаго Государемъ; слышанное записалъ одинъ изъ пріятелей моихъ, но, къ сожалѣнію моему, не записалъ онъ фамиліи воеводы сего“. Послѣ того появилось въ печати нѣсколько разныхъ передачъ означеннаго разсказа. Последняя изъ нихъ принадлежитъ уроженцу с. Сямозера, Петрозаводскаго уѣзда, купцу г. Гоенсу Мирону Смирнову, который, въ своемъ разсказѣ, называетъ Олонецкаго воеводу уже по фамиліи: Сявявннъ (хотя,

2. Государь Императоръ Александръ Павловичъ, въ проѣздѣ свой въ 1819 году въ августѣ мѣсяцѣ чрезъ г. Олонецъ въ Финляндію, разсудилъ посѣтить Андрусовскую пустыню, отстоящую отъ большаго Сердобольскаго тракта въ 7 верстахъ, гдѣ подлѣ спудомъ почиваютъ мощи основателя оной, преподобнаго Адріана Андрусовскаго. Здѣсь слѣдовало переправиться Его Величеству чрезъ Рѣку Олонку на лодкѣ, а до пустыни проѣхать, по причинѣ неустройства дороги, верхомъ. Куда отправился Его Величество съ однимъ только проводникомъ, крестьяниномъ Ермолаемъ Маніевымъ (который и нынѣ—1836—еще живъ). Посѣтивъ пустыню, возвратясь обратно къ рѣкѣ, изволилъ переправиться чрезъ оную на той же лодочкѣ. Но здѣсь, ожидавшіе Его Величество олончана, по примѣру предковъ своихъ, подхвативъ на руки лодку, въ коей сидѣлъ Государь, и съ радостнымъ крикомъ „ура“, стащили до коляски, откуда Его Величество прямо изволилъ сѣсть въ карету и изъявилъ олончанамъ за таковое усердіе совершенную Свою благодарность. Лодочка, на которой изволилъ переправиться Государь, и понынѣ хранитъ въ амбарѣ своемъ, отстоящемъ отъ Олонца въ 18 верстахъ, С.-Петербургскій купецъ Иванъ Ѳедоровъ Редуевъ ²⁾,

Сообщилъ *Е. М. Прилежаевъ.*

разумѣется, нужно еще и по официальнымъ даннымъ провѣрить—былъ-ли такой воевода при Петрѣ Великомъ въ г. Олонцѣ), и сообщаетъ, что въ семьѣ Смирновыхъ сохранилась шапка этого самаго Сявявина, въ 1873 году переданная въ собственность Олонецкаго музея. По словамъ Смирнова, Сявявинъ подарилъ эту шапку домохозяину Кабукову, у котораго квартировалъ онъ въ Олонцѣ; отъ Кабукова шапка перешла въ домъ крестьянъ с. Сямозера Ѳедотовыхъ, а отъ нихъ—къ Смирновымъ (Олон. Губ. Вѣд., 1873, № 86).

Е. П.

2) Какъ амбаръ, такъ и весь заводъ И. Ѳ. Редуева, теперь уже не существуютъ; вѣроятно, и отъ лодки сохранился лишь одинъ рисунокъ ея, снятый съ натуры Ольгою Ив. Редуевою и помѣщенный въ приложеніи къ книжкѣ: «Андрусова Николаевская пустынь. Ист.-стат. очеркъ». С.-Петербургъ, 1856.

Е. П.